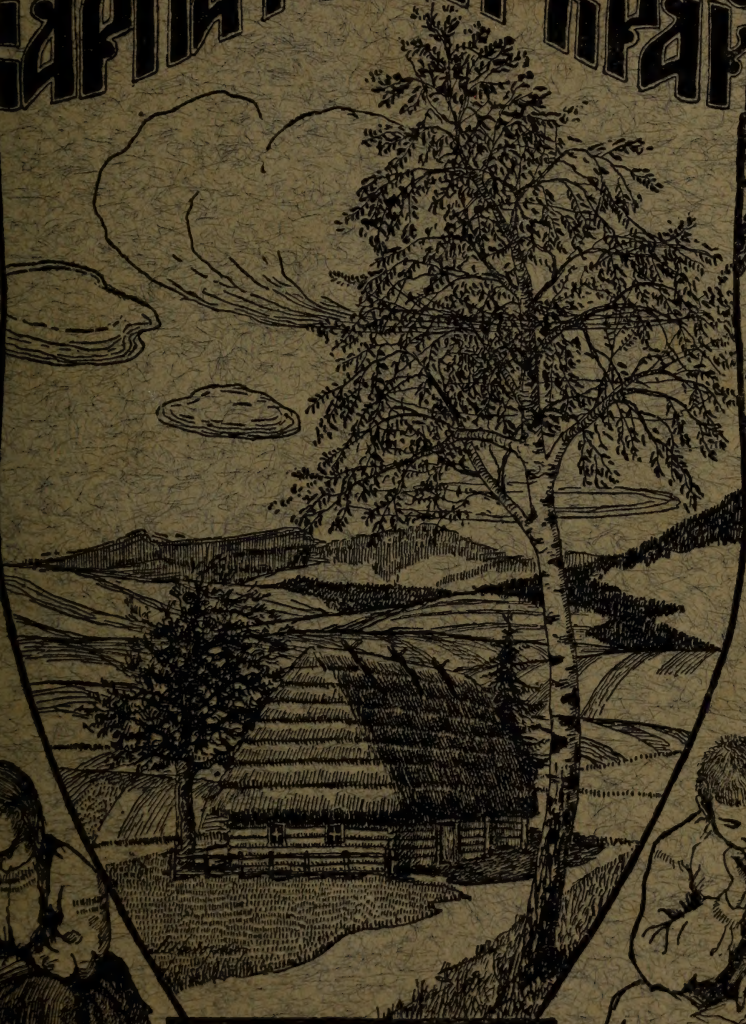

КАРПАТСКИЙ КРАЙ

АПРѢЛЬ

Содержаніе:

	Стр.
1. В. Р. Ваврикъ: На весну	1
2. А. В. Поповъ: Ошибка слѣпого офицера (Окончаніе)	2
3. Юрій Галичъ: Марика	11
4. Автобіографія Уріила Метеора (Ивана Сильвая). (Продолженіе)	11-
5. Юрій Галичъ: Дошаморычъ	15
6. Д-ръ Дм. Марковъ: Предшественники русской революціи (Продолженіе)	16
7. Андрей В. Карабелешъ: Жнива	24
8. К. Брешковская: Карпаторусская Выставка	25
9. Гр. Мих. Медвѣцкій: Единство русскаго русскаго языка въ его нарѣчіяхъ (Окончаніе)	28
10. Объявленія	—

ПОМОГАЙТЕ нашей
бѣдной учащейся
молодежи! Посылайте по-
жертвованія для Общества
„Школьная Помощь“
въ Ужгородъ, Берчени ул.
:-: № 10. :-:

КАРПАТСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ
ИЗДАЮЩИЙСЯ ОБЩЕСТВОМЪ ИМЕНИ А. В. ДУХНОВИЧА.

Адресъ редакціи: МУКАЧЕВО, ДУХНОВИЧЕВА УЛ. 94.

Годъ изданія I. АПРѢЛЬ 1924.

№ 7.

В. Р. Ваврикъ.

НА ВЕСНУ.

*Въ возродившейся природѣ
Праздникъ празднуешь весна,
Улыбаешься луна
На далекомъ небосводѣ.*

*Въ тихихъ сумеркахъ ущелій
Не смолкаютъ соловьи,
О божественной любви
Сказки сказываютъ ели.*

*Навѣваетъ грусть дремоты
Вѣтерка благая зыбь
И чабаны у колыбѣ
Спятъ на волѣ безъ заботы.*

*Шелкошканною каймою,
Между горъ и полонинъ,
Ужъ сіяетъ. Даль равнинъ
Манишь явною красою.*

*Гуломъ-шумомъ на разсвѣтѣ
Заливается лѣсъ-боръ, —
Что милѣй Карпатскихъ горъ,
Что красивѣе на свѣтѣ?*

*Эхъ, страна моя рсдная,
Какъ тебѣ не послужишь,
Жизнь въ бою не положишь,
Еслибъ сила шла чужая!*

А. В. Поцовъ.

Ошибка слѣпого офицера.

(Разсказъ изъ чешской жизни).

(Окончаніе).

VI.

Лида писала Новаку, что она пріѣдетъ въ Прагу и что они лично договорятся о подробностяхъ свадьбы и т. д.

Пробыла она въ этотъ разъ въ Прагѣ всего три дня. За это время въ ея родномъ городѣ произошло маленькое событіе: въ городъ пригнали на работы русскихъ военнопленныхъ.

Между пленными былъ одинъ еврей, очень красивый малый, на котораго женщины обратили свое благосклонное вниманіе и улыбались ему особенно тепло. Лида, научившаяся немного говорить по русски еще передъ войной*), встрѣтивъ его послѣ на работѣ, гдѣ было удобнѣе всего говорить съ пленными, первая заговорила съ нимъ разъ, другой. Потомъ порѣшили сойтись около небольшого лѣса. Послѣ трехъ, четырехъ свиданій, Лида была съ нимъ уже въ близкихъ отношеніяхъ. Нельзя сказать, чтобы она увлеклась этимъ еврейчикомъ, нѣтъ. Съ ея стороны желаніе общиться было только простое любопытство и симпатія ужъ только потому, что онъ былъ русскій. Любопытство доходило въ ней до болѣзненной жадности. Даже ея первое сближеніе съ мужчиной, не было подчинено чувству безграничной любви, когда человѣкъ, чтобы угодить тѣмъ или инымъ способомъ своему кумиру, способенъ на все, нѣтъ. Съ Лидой было совершенно иначе. Она хорошо знала, что любить ее врядъ ли кто можетъ — ни красотой, ни прекраснымъ характеромъ она не отличалась, а поэтому все, на чемъ она основывала свои сѣти, было простое самолюбіе имѣть вокругъ себя поклонниковъ за любую цѣну, жажда показать свой страстный характеръ, огонь, хотя ни того, ни другого у нея не было. Но Лида такъ прекрасно умѣла притворяться, что вокругъ нея всегда вились, на зависть подругъ, мужчины.

Даже и первый человѣкъ, которому она принесла свою невинность и котораго она знала всего тринадцать дней, былъ чуждый ей по крови — мадыарскій офицеръ.

Это было въ первый годъ войны.

Она познакомилась съ нимъ въ такое время, когда сильная боязнь

*) Руссофильство чеховъ передъ войной они старались доказать устройствомъ въ городахъ „русскихъ кружковъ“ и сильно увлекались русской литературой.

потерять золотое время начинающей увядать молодости проникла глубоко въ ея сознание. Боязнь, что она не успеетъ взять отъ жизни все, пока есть сила и свѣжесть, заставило ее смѣло вступить за тѣ двери, за которыми начиналось познание добра и зла. Разъ сорвавшись съ наклонной плоскости, Лида не тратила да и не хотѣла тратить много труда затѣмъ, чтобы остановиться въ движеніи сжигающаго любопытства и желанія всегда имѣть вотругъ себя мужчинъ. Послѣ, когда первый уѣхалъ на фронтъ, она увлеклась какимъ-то нѣмецкимъ подпоручикомъ, а когда и того угнали на человѣческую бойню, она сошлась съ чехомъ, вольноопредѣляющимся, который не успѣлъ еще покрыться и первымъ пушкомъ зрѣлости. Человѣкъ онъ былъ идеальный, пробуящій свои силы и энергію приспособить къ возрожденію нравственности, которая начала за время войны падать среди его согражданъ. Онъ вѣрилъ, что живымъ, разумнымъ словомъ можно снова всколыхнуть народъ къ свѣтлому, чистому, вѣрилъ въ то, что война должна принести свободу угнетеннымъ народамъ — чехамъ, сербамъ, полякамъ, но въ тоже время всѣми фибрами своей увлекающейся души ненавидѣлъ тѣхъ, кто двинулъ человѣка на человѣка, кто послалъ миллионы подъ дождь пуль и снарядовъ. Онъ вѣрилъ, что всѣ международные споры могли быть рѣшены при взаимныхъ компромиссахъ — мирнымъ путемъ.

Лида какъ бы чутьемъ угадала его слабое мѣсто — философствовать о высокой матеріи, а поэтому живо „приспособилась“ къ положенію. Черезъ недѣлю юноша былъ по уши влюбленъ въ Лиду — т. е. въ ея необыкновенный умъ, ея свободное воззрѣніе на жизнь и т. д. То, что она была старше, то юношѣ ничуть не мѣшало, но зато Лидѣ эта разница въ лѣтахъ какъ бы придавала крылья. Она водила его по улицамъ города, хотя онъ ихъ ненавидѣлъ отъ всей души; онъ искалъ съ ней уединенія, хотѣлъ идти въ поле, въ лѣсъ, а Лида тащила его въ паркъ, въ театръ, кинематографъ и все только для того, чтобы публика видѣла ея торжество, видѣла ея гордую улыбку на увядающемъ лицѣ.

Послѣ свадьбы, пріѣхавъ въ Чешскіе Будеевицы, Лида повела ту же самую жизнь, какъ и до замужества.

Маня, натура совершенно другого рода — честная, прямая въ словахъ и не знающая лжи, пробовала ее уговорить, но слова ея мало дѣйствовали на капризную „пани“.

„Я хочу жить не разсужденіями, а чувствами. Разумъ мнѣ подсказываетъ только практическую сторону жизни: если ты не будешь грызть другихъ, то загрызутъ тебя; если ты прозѣваешь то, что мо-

жетъ принести тебѣ пріятную минуту теперь, того уже никогда не вернешь. Я не понимаю тѣхъ, кто позволяютъ давить себя, но разъ ужъ ты попала къ самой землѣ, то твоя обязанность вылѣзть на верхъ, не заботясь о томъ, что ты раздавишь кого при этомъ или нѣтъ, къ солнцу, а у каждого есть свое, надо продираться насильно, надо царапать глаза, кусать, притворяться, плакать — но никогда не сдаваться“.

Маня была поражена словами Лиды. Послѣдняя никогда не говорила ей съ такимъ убійственнымъ цинизмомъ, какъ теперь. Она вспомнила характеры всѣхъ своихъ подругъ и знакомыхъ, сравнивала Лиду съ героинями нѣкоторыхъ романовъ, но никакъ не могла найти среди нихъ общее съ чертами Лиды. Уже въ сотый разъ возникъ у нея вопросъ:

— Почему она съ Лидой дружить? Что у нихъ общаго? Положительно ничего, и все-таки они болѣе двѣнадцати лѣтъ были дружны. Только послѣ этой грубой откровенности Маня поняла, что Лида — не любить и никогда ея не любила. Ей просто нужна была дѣвушка чистая, лучшая чѣмъ она сама затѣмъ, чтобы Лида такъ сама себѣ и другимъ могла казаться лучшей. Это были двѣ крайности.

Въ свою очередь и Лида, словно предчувствуя или прочитывая мысли Мани, удивлялась, и въ глубинѣ души, называла всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ иначе, глупыми, ограниченными болтунами, пустыми мечтателями о правдѣ Божьей на землѣ.

„И какъ я могла такъ долго считать Маню умной, развитой дѣвушкой, когда она такая же, какъ и всѣ — недотрога. Съ ней даже и говорить стало противно, такая она мягкая, нѣжная“.

„Намъ надо разойтись“, думала Маня, „потому что съ Лидой скоро весь міръ будетъ казаться дѣломъ дьявола, а не Бога“.

Лида представилась ей какимъ то страшнымъ чудовищемъ, для котораго свое „я“ стоитъ выше всѣхъ идеаловъ и ради котораго она способна на все. Разлука была простой — описывать ее не стоитъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что Лида не выдержала, чтобы немного не посмѣяться, конечно по своему обыкновенію, цинически надъ ихъ дружбой. Послѣ того, Лида какъ будто бы безъ всякаго удержу покатила съ горы внизъ.

.

VII.

Дальнѣйшій рассказъ автора прерывается. Читатель можетъ узнать конецъ развязки изъ дневника слѣпного офицера, который былъ переданъ писателю этихъ строкъ уже послѣ съ правомъ издать его, если я это найду нужнымъ.

1916-го года, декабрь.

„Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я женатъ. Я нашелъ себѣ на всю жизнь женщину — друга, которая не побоялась свою жизнь связать съ моею, которая понимаетъ меня и любитъ сильно и горячо. Ея поцѣлуи и ласка дѣлаютъ меня счастливейшимъ въ мирѣ... Вчера написалъ ей стихотвореніе. Радовалась, какъ дитя; гладила меня по волосамъ и долго, долго стояла прижавшись ко мнѣ... Счастье волной залило мою душу и я готовъ былъ заплакать. Хотѣлъ бы видѣть выраженіе ея милого лица, кода она смотритъ на меня.

Лидочка, ты и не знаешь, какъ я тебя люблю,

Декабрь (къ концу).

„Я счастливъ такъ, какъ только можетъ быть счастливъ чело-
вѣкъ въ моемъ положеніи. Лида мнѣ читаетъ, водить на прогулку.
Сегодня я встрѣтилъ знакомаго писателя, который просилъ у меня по-
зволенія написать о насъ романъ. Согласился“.

Декабрь 30.

„Сегодня я впервые по тону ея голоса замѣтилъ, что ей скучно.
Посылалъ ее въ театръ, но она безъ меня ни за что не хотѣла идти.
Конечно, я не могъ ее провожать въ театръ. Но послѣ пришла мысль
идти на концертъ. Пойдемъ завтра на концертъ нашего славнаго К...
Музыку люблю больше прежняго.

Не смѣшно ли слѣпому писать дневникъ?“

1917. январь.

Проводили Новый Годъ. Ждали конца войны, но напрасно. Вы-
стрѣлы все еще гремятъ и пугаютъ свѣтъ. Она мнѣ читала газеты...
Вчера куда то уходила. Пришла веселая и бросилась обнимать. Солнце
заглянуло мнѣ въ душу.

Январь 21.

Сегодня она сказала: „Какъ жаль, что на свѣтѣ перестали со-
вершаться чудеса“. Она навѣрное хотѣла сказать, что я тогда не былъ
бы слѣпымъ. Какъ это больно слышать! Неужели я ей начинаю на-
доѣдать и она раскаивается въ сдѣланномъ ей шагѣ? Нѣтъ, этого не
можетъ быть! Я слишкомъ одностороненъ. Она любитъ меня.

Февраль 14.

Невольно начинаю думать о страшномъ, которое ждетъ меня
впереди. Лида вотъ уже нѣсколько дней уходитъ изъ дому, но я не
рѣшаюсь ее спросить: куда она ходитъ, боясь сдѣлаться смѣшнымъ
въ ея глазахъ.

Сегодня меня особенно поразилъ грубый тонъ ея голоса. Кажется кухарка что-то на кухнѣ разбила. Конечно мелочь какую-нибудь, но Лида такъ ругала бѣдную *Марію*, что я вступился за нее. Попало и мнѣ. Сказала, чтобы я не въ свои дѣла не вмѣшивался, и что разбитая миска стоитъ денегъ, а что деньги на улицѣ не валяются. Потомъ припомнила Марьѣ, что та не отдала ей третьяго дня нѣсколько геллеровъ сдачи... Я замѣтилъ, что она очень скупа.

Февраль 15.

Сегодня вечеромъ ушла и пришла только въ двѣнадцать часовъ ночи. Была въ театрѣ. Я спрашиваю — что играли? Она даетъ отвѣтъ, но не точный. Шла, кажется, „Проданная невѣста“, въ Народномъ Театрѣ, а она говоритъ: „Далиборъ“*). Страшное безпокойство овладѣло мной. Неужели я въ ней ошибся? Боже! Какая непростительная, горькая ошибка слѣпого человѣка.

Февраль 20.

Сегодня Лида была со мной очень ласкова, но передъ вечеромъ опять ушла и пришла домой поздно. Начинаю видѣть причину ея частыхъ отлучекъ.

Февраль 23.

Хотѣлъ ей сказать, когда она пришла снова поздно домой, чтобы она не стѣснялась и шла на всѣ четыре стороны, но не сказалъ. Подожду еще нѣсколько дней.

Февраль 27.

Начинаю ревновать. Вѣрнѣе — ревную ее уже давно, но до сихъ поръ боялся признаться въ этомъ самому себѣ. Она уходитъ молча и молча же приходитъ. Я не хочу выспрашивать ее изъ гордости.

(На другой день).

Лида дома, читала мнѣ какую то книгу, но я не слѣдилъ за чтеніемъ, но думалъ о томъ, какъ, съ чего начать съ ней объясненіе. Она начала сама намекать и я изъ ея словъ понялъ, какъ я глубоко ошибся въ ней. Жалко самого себя, смѣшонъ самому себѣ. Слепой, калѣка, я полюбилъ и вѣрилъ, вѣрилъ, что любимъ и самъ. „Что любилъ, какъ душу, те и измѣнило“, вспоминаю я русскіе стихи. Грустно становится отъ нихъ, хочется плакать.

Мартъ 27.

(Передъ этимъ изъ дневника вырвано нѣсколько страницъ, а двѣ страницы залиты чернилами такъ, что ихъ нельзя прочитать).

*) „Далиборъ“ и „Прод. Невѣста“ оперы знаменитаго чешскаго композитора Bedřicha Smetany жившаго отъ 1824 до 1884.

Пробую серьезно заниматься литературой. Нанялъ себѣ чтеца. Развѣ слѣпые не могутъ писать?.. т. е. диктовать. Вѣдь нашъ Сметана былъ глухой, въ это время создалъ свои прекрасныя композиціи.

Маршъ 29.

Семейная жизнь страшно несчастлива. Т. е. несчастливъ я, а Лида — нашла себѣ другого. Урода любить нельзя, нѣтъ... Ей надо было лишь выйти замужъ, — безразлично за кого, хотя бы и за черта. Впрочемъ — я былъ для нея наилучшей партіей: я никуда не хожу, ни съ кѣмъ не сношусь, не вижу, а поэтому она за моей спиной можетъ дѣлать что угодно.

Маршъ 30.

Сегодня сказалъ ей, что если она хочетъ позорить мое честное имя и далѣе, то я прикажу не впускать ее къ себѣ и что она хорошо сдѣлаетъ, если переѣдетъ отъ меня на отдѣльную квартиру. Плакала, т. е. дѣлала видъ, что плачетъ, но я уже не вѣрю ей: она умѣетъ такъ притворяться, что можетъ обмануть не только слѣпого, но и человѣка имѣющаго десять глазъ.

Апрѣль 2.

Собираюсь уѣхать изъ Праги на нѣкоторое время куда нибудь въ деревню.

Апрѣль, 3.

Мало того, что она обманываетъ меня, но даже и разсыпаетъ деньги направо и налѣво для своего „любовника“.

Апрѣль, 5.

Какое нахальство съ ея стороны! Лида къ ужину привела какого то „баса“ и рекомендовала его мнѣ какъ своего двоюроднаго брата, но я не вѣрю и думаю, что этотъ субъектъ прохвостъ и ея любовникъ. Ей навѣрное, доставляетъ особенное удовольствіе не только обманывать внѣ дома, но и дома.

Апрѣль, 10.

„Чѣмъ дальше въ лѣстѣ, тѣмъ больше дровъ“. Такъ есть и на самомъ дѣлѣ. Ея любовникъ сталъ бывать у насъ каждый день, а я смотрю на нихъ — вижу, какъ они пожимаютъ себѣ тайкомъ руки и смѣются надо мной. Я собирался выгнать его, но не имѣю силъ на такую грубость по отношенію къ человѣку, котораго я считаю подлецомъ: порядочный человѣкъ не позволилъ бы себѣ такой гадости. Онъ скрипачъ, великолѣпно играетъ, но я изъ cadaго звука его скрипки слышу: „я подлецъ, подлецъ!“

Какъ я, навѣрное жалокъ!? Меня на глазахъ обманываетъ, а я даже не могу выгнать соперника изъ своего дома, а все эта проклятая нѣжность и деликатность!

Апрѣль, 11.

Сегодня они цѣловались при мнѣ. Мучительно! Ужасно и гнусно. Боже, Боже, какой я далъ промахъ!..

Апрѣль, 13.

Я самъ во всемъ виноватъ.

Почему я его до сихъ поръ не выгналъ? Они при мнѣ цѣлуются, сидятъ обнявшись — я это чувствую, а я сижу, какъ глупый и терпѣливо жду развязки ихъ пошлаго романа.

Обѣдаю почти каждый день одинъ.

Такъ жить дальше нельзя: надо со всѣмъ этимъ покончить. Но какъ кончу — еще не знаю.

Апрѣль, 15.

Я ей сказалъ, что ѣду въ деревню, а она можетъ остаться здѣсь, но она хочетъ тоже ѣхать со мной. Зачѣмъ? Не понимаю!.. Этимъ она меня сбила съ толку.

Апрѣль, 17.

Страшная женщина! Для нея, кромѣ своего эгоизма — нѣтъ на свѣтѣ ничего, чему она кланялась бы и что уважала бы. И какъ я могъ видѣть въ ней солнце, когда она создана изъ грязи, когда отъ cadaго ея слова вѣетъ гнилью, пошлостью. Она теперь и не думаетъ даже притворяться передо мной.

Апрѣль, 26.

Вотъ уже нѣсколько дней я живу въ деревнѣ и съ ненавистью думаю о той, которую считалъ за идеалъ женщины, передъ которой я готовъ былъ стать на колѣни и молиться.

Я былъ настолько глупъ, что на дорогу свѣрилъ ей деньги, а она ихъ, говоритъ, потеряла. Но я не вѣрю ей, нѣтъ! Она передала ихъ своему любовнику, который ѣхалъ вмѣстѣ съ нами въ деревню. Я слышалъ ихъ тихій шопотъ.

Я вышелъ изъ себя и сталъ ее немного бранить, а она взяла и на одной изъ станцій вышла, оставила меня въ поѣздѣ одного безъ денегъ, безъ билета.

Апрѣль, 28.

Страшная скука и тоска, невыносимая тоска гложетъ меня съ утра до вечера. Снова начинаю думать о самоубійствѣ. Какая злая иронія судьбы! Она спасла мнѣ жизнь для того, чтобы видѣть мои муки, чтобъ собственными руками разорвать мое сердце...

Апрѣль, 29.

Получилъ отъ нея письмо, но я сжегъ его не читая.

Май, 1.

„Быль поздній вечеръ — первый май,
Вечерній май — былъ любви часъ,
Звалъ горлицынъ къ нѣгѣ гласъ,
И гдѣ соснами пахъ гай“.

Боже! Сколько поэзіи и сколько грусти! Сколько слезъ пролито надъ этими незабвенными стихами Махи, нѣтъ ни одного чеха, который бы сегодня не декламировалъ эти стихи. Молодежь — въ надеждѣ на любовь и сильно любя, старики — вспоминая прошедшіе дни веселья и счастья, а я?... Одинокій, слѣпой, покинутый, никому, никому не нужный. Не для меня свѣтитъ солнце, цвѣтутъ цвѣты, растетъ трава и деревья, не для меня голубое небо и синяя даль нашихъ милыхъ горъ. Вишу надъ пропастью, но знаю, что я крѣпко привязанъ и не могу упасть въ нее. И зачѣмъ, зачѣмъ она спасла меня тогда отъ смерти?! На новыя муки, на новыя страданья! Каждый день жить мученьями, чувствовать, что ты лишній, что ты обуза, что ты мѣшаешь своимъ безобразіемъ счастьемъ людей, что ты, какъ темное облако среди яснаго, солнечнаго дня, заслоняешь собой розовыя дали молодымъ, которые не могутъ видѣть равнодушно въ своемъ счастьи несчастье другихъ. Знаю, что не стоитъ жить, незачѣмъ, но уйти отсюда — навѣрное не хватитъ силъ.

За минуту радости надо расплачиваться мученьями всей жизни.

Май, 5.

Ароматъ цвѣтовъ вишни и черемухи несется ко мнѣ въ комнату. Лепестки ихъ падаютъ ко мнѣ въ окно, я собираю ихъ на столѣ въ кучки, я целую ихъ. Поютъ жаворонки, утопая въ голубомъ воздухѣ, заливаются скворцы на верхушкахъ деревьевъ, но я — не вижу ихъ. Цѣлый день вокругъ меня кипитъ сутолока деревенской жизни, а я выброшенъ за бортъ — я ничего, ничего не вижу, я только чувствую всю прелесть и красоту жизни, но самъ не живу, а медленно отравляюсь злобой и завистью къ здоровымъ и сильнымъ людямъ. Жить и ненавидѣть — нельзя.

Май, 6.

Сегодня пріѣхалъ ея любовникъ и просилъ дать ей разводъ, и что она молить меня о прощеніи за ея ошибку и за муки, которыя принесла мнѣ. Она проситъ забыть все, и что она любить другого, за котораго она хочетъ выйти замужъ, если я приму *вину на себя*.

Я выгналъ любовника. Лучшаго ничего не могъ сдѣлать. Пусть живетъ съ нимъ *шакъ*. Я не могу допустить, чтобы она сдѣлала несчастнымъ другого. Пусть онъ подлецъ по отношенію ко мнѣ, но... только виновата она. Я знаю, что тамъ, гдѣ она ступитъ ногой — уже больше трава не растетъ“.

На дальшихъ страницахъ очевидно закладка изъ дневника выпала и Новакъ, не желая давать свои записки кому-нибудь въ руки изъ по-

стороннихъ, самъ, наугадъ, заложилъ закладку, а поэтому писалъ на страницахъ уже разъ исписанныхъ.

Затѣмъ начинается вторая часть дневника, которая врядъ ли бы интересовала читателя. Я ограничусь только послѣдней страницей дневника.

„Ноябрь, 23.

Цѣлую весну и цѣлое лѣто, словно молотомъ била въ голову мысль: „Зачѣмъ жить безъ свѣта, безъ счастья? Зачѣмъ вѣчно мучиться, жить безъ надежды, безъ вѣры? Развѣ я могу что-нибудь дѣлать такъ, какъ дѣлалъ бы до страшнаго несчастья? Нѣтъ! И чѣмъ ближе подходитъ время къ осени, тѣмъ сильнѣе тоска, но больше отваги чувствую къ тому, чтобы свести счеты съ жизнью.

Утромъ просыпаюсь и живу только однимъ: „Сегодня покончу съ собой. Довольно колотиться о стѣны темной бездонной пропасти“. И ни страха, ни жалости, ни боли. Ухожу изъ вѣчной тьмы — въ вѣчную тьму, гдѣ нѣтъ страданій, какъ и нѣтъ жизни, а лишь непроглядная тьма... Вотъ выкурю папироску, и стрѣляюсь. Еще разъ затянусь, а потомъ приставлю дуло револьвера къ „живчику“ на правомъ вискѣ. Папироска сгасла. Холодъ отъ желѣза дышетъ мнѣ въ високъ... Нажалъ, но — осѣчка... И вдругъ, какъ яркая молнія, блеснула мысль: А глухой Сметана — жилъ же. А слѣпой Жуль-Вернеръ — жилъ и писалъ. А почему я долженъ умереть? Развѣ я не могу жить для добра? Развѣ я не могу по прежнему писать и звать къ идеалу? Развѣ свѣтъ правды и добро не выше зла и тьмы? Трусъ — кто ихъ боится. Я былъ трусомъ, а теперь — хочу бороться, хочу жить для родины, для милой и свободной Чехіи, хочу жить для Славянства... И чувствую, какъ радость заливаєтъ мнѣ душу. Господи! Какъ хороша жизнь, если есть для чего жить, если есть идеалъ. А я нашелъ его, нашелъ. Господи, какая радость въ моемъ сердцѣ! „Былъ поздній вечеръ — первый май“.

МАРИКА.

Тамъ струишся Быстрица,
Тамъ синѣють Карпаты
И, какъ горная пѣсня,
Льется воздухъ пригожій,
Тамъ по склонамъ зеленымъ
Жмущся бѣлыя хаты,
А кудрявые буки,
Какъ паны, какъ вельможи.

Тамъ кабаньи дорожки,
Пуля свищеть такъ гулко,
Козьи шропы змѣяся
Такъ причудливо-дико,
Тамъ на пышномъ привольѣ
Расцвѣтають гуцулки,
Зналъ одну я когда-то,
Ее звали — Марика.

Въ алобархашной юбкѣ,
Въ безрукавкѣ изъ кожи,
Словно факелы очи,
Вьющая косы густыя.
„Гей, здорово, красотка,
Помоги тебѣ Боже,
Эти ведра, надѣюсь,
Ты несешь не пустыя?“

Стой, коханка-дивчина,
Не пущу!.. Покажи-ка?..
Я стоялъ неподвижно,
Я глядѣлъ такъ упрямо.
Жемчугами сверкнула,
Улыбнулась Марика:
„Хе, я дивчина шака,
Якъ добродія мамо!“

Улыбнулась Марика
И, какъ золотишко, ведра
Засмѣялись на солнцѣ
Искромешной водою.
И такъ чешко дрожали,
Такъ волнуяще бедра,
А сорочка надъ грудью
Поднялась молодою.

Черезъ день, черезъ два-ли
Я сошелся съ ней ближе,
Были шушки и пѣсни,
Были ласки и слезы —
Ахъ, нигдѣ, въ пѣломъ мѣрѣ,
Ни въ Москвѣ, ни въ Парижѣ,
Не цвѣтутъ такъ чудесно
Эти горныя розы!

Юрій Галичъ.

Автобіографія Уріила Метеора (Ивана Сильвая).

(Продолженіе.)

Въ былое время лучше жилося людямъ, чѣмъ живетъ сегодня. Кажется и люди были лучше. Урожайные годы не перемежывались неурожайными годами, доставало прошлогодняго хлѣба до новаго, умножалась и скотинка, потому что пастбища не были стиснуты, какъ послѣ переведенія размежеванія земель. Умѣренные налоги уплачивались безъ большого затрудненія. Тяжелыя дѣла были рѣдки и почти

незнакомы у простонародья, потому что у него не было вражды другъ супротивъ друга, но было больше любви, пріязни и благодати. Бывало, въ моемъ дѣтствѣ, соберутся добрые суковскіе жители къ рѣкѣ Латорицѣ, на мѣсто отстоящее недалеко отъ села, къ „Виру“ для ловли рыбы, а тамъ рыба водилась въ сказочномъ изобиліи. Ловятъ они рыбу, гостятся, рассказываютъ чудесные рассказы и къ вечеру съ богатою добычею возвращаются въ село въ свои семейные круги. „Виръ“ считался сборнымъ мѣстомъ цѣлаго села, съ взрослыми выходили часто и дѣти, чтобы присматриваться на дѣло своихъ родителей, съ ними выходилъ и я. Когда теперь вспоминаю себѣ ихъ образъ, какъ они сидя вокругъ огня подъ тѣнистымъ деревомъ жарили на рожнахъ или просто на угольяхъ рыбу, мнѣ представляется подобіе времени Сπισителя и апостоловъ, когда при озерѣ Тиверіадскомъ вели подобную жизнь.

При такой обстановкѣ провелъ я дѣтскіе годы въ соприкосновеніи съ этими простодушными сынами природы, и принималъ первыя впечатлѣнія, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ моемъ. Съ раннихъ лѣтъ полюбилъ я природу, и свою гористую родину вмѣстѣ съ ея жителями, добрыми „Лемками“, и „Дичками“, какъ называютъ ихъ низовяне, для отличенія ихъ отъ Верховинцевъ-Лемаковъ, и Марамарошинцевъ-Лишаковъ. Они отъ прочихъ угрорусскихъ нарѣчій отличаются въ томъ, что въ словахъ: попъ, конь, возъ, мостъ и пр. произносятъ вмѣсто буквы „о“ мадьярскую букву „й“ или французскую „и“. Разумѣется, что воспитаться между „Дичками“ и живя между ними, я становился настоящимъ „Дичкою“. Я до того привыкъ къ буквѣ „й“, что хоть уже прошли два десятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ родное мѣсто, и живя въ Турьянской долинѣ, гдѣ жители говорятъ: „пупъ“, „вулъ“, „кунъ“, „вузъ“, говоря съ туземнымъ народомъ, мой языкъ все еще поскользнется на привычную букву „й“. Впрочемъ, говоръ „Дичекъ“, между прочими нашими угрорусскими нарѣчіями, болѣе нравится мнѣ по своей чистотѣ и произношенію словъ.

Если задумается человѣкъ надъ теченіемъ своей жизни, припоминая себѣ переходы изъ одного возраста въ другой, то столько и находитъ онъ свѣтлыхъ дней, сколько посчастливилось ему прожить въ дѣтствѣ своемъ. Изъ райской сладости осталось одно безмятежное дѣтство, для воспоминанія, что существовало иногда блаженство на землѣ. Въ теченіе тѣхъ свѣтлыхъ дней, къ полнотѣ моего счастья не требовалось больше, какъ выйти къ Виру, присматриваться на ловлю рыбы, слышать рассказы рыбарей, забавляться съ друзьями пастушками по полянамъ и прилѣскамъ, которые и среди игръ относились ко мнѣ

съ почтеніемъ, какъ къ своему будущему священнику. Я и не думалъ о томъ, что такъ близъ предстоитъ ограниченіе моей свободы. Разъ, одного дня задержалъ меня отецъ дома, и сталъ заохочивать меня къ грамотѣ. Сперва принялся онъ за дѣло моего наставленія слегка, и въ непредназначенные часы, но потомъ изо-дня въ день становился прилежниѣе, позже я долженъ былъ проводить цѣлые дни въ чтеніи и писаніи. Слѣдовало поневолѣ проститься съ вольною жизнью и съ милыми друзьями, а за книгами мучила меня неистовѣмая скука.

Межъ тѣмъ мой отецъ приискалъ для меня воспитателя, благого старика, по имени Андрея Дудачи, который переходя отъ одного семейства къ другому, приглашаемъ былъ родителями, нуждающимися въ воспитателѣ своихъ дѣтей. Съ того времени мнѣ было позволено выходить только вмѣстѣ съ учителемъ. Въ личности старика было что то привлекательное, про ласковое его поступованіе я скоро полюбилъ его, и подъ его веденіемъ наука шла съ большимъ успѣхомъ. Не помню, какъ долго училъ онъ меня, но помню, когда мой отецъ собирался отвезти меня въ школу, я не только читалъ безошибочно по латински, но изъ грамматики зналъ склоненія и спряженія, кое-что понималъ по мадьярски, и плавно читалъ по-русски, за что меня не только чаще заставлялъ читать отецъ въ церкви Апостола и Вѣрую, но и вмѣсто пѣвца кончить съ нимъ тихую литургію.

Родители обвыкли гордиться тѣмъ, если дѣти ихъ не только подходятъ на ихъ образъ и наслѣдствуютъ свойства ихъ натуры, природныя дарованія, степень познанія, но если они наслѣдуютъ и ихъ общественное положеніе. Потому они считаютъ своею родительскою должностію, дать имъ всѣмъ соотвѣтное извѣстному ставу образованіе. Задача матери, если ея дочери здоровы и красивы, гораздо легче, потому что красота выполняетъ недостатки образованности и богатаго вѣна. Иное есть отношеніе отца къ своему сыну. Онъ для сына долженъ открыть поприще къ достиженію предположенной цѣли, хотя-бы предстояло ему искупить счастье своего сына пожертвованіемъ всѣхъ своихъ удобствъ житейскихъ. А отецъ мой принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые для устроенія благополучія своихъ дѣтей не только желаютъ исполнить свой долгъ, но готовы бы для нихъ пожертвовать и жизнью. Онъ, по требованіямъ своего времени, былъ отличнымъ знатокомъ латинскаго языка, былъ поистинѣ добрымъ священникомъ, высоко цѣнилъ ученость и искусство, потому на ту самую степень, если не выше, желалъ онъ возвести и меня всею своею душою. Латинскій языкъ считался необходимымъ, потому что въ Венгріи еще недавно въ законодательствѣ и во всѣхъ чиновствахъ пре-

обладалъ латинскій языкъ, а въ церковномъ управленіи преимущественно. Безъ него никто не могъ имѣть притязанія на названіе образованнаго человѣка, ни не могъ обходиться безъ него въ какомъ бы то ни было званіи, въ то время не было рѣдкостью, что и женщины любили щеголять латинскимъ языкомъ. Межъ тѣмъ примѣръ опередившихъ насъ своимъ племеннымъ развитіемъ народовъ сталъ проникать и въ нашу многоязычную страну, съ прибытіемъ и въ началѣ 30-хъ годовъ у мадьяръ начало сильно проявляться народное сознаніе, занявшее сперва въ развивающейся литературѣ, и выражавшееся что далѣе въ усиленной мѣрѣ во всѣхъ слояхъ народа. Уже началось преобладаніе мадьярскаго языка надъ латинскимъ, который держался еще въ школахъ и въ церковныхъ управленіяхъ только по вкоренившейся издавна привычкѣ, и сталъ считаться языкомъ, необходимымъ только для ученыхъ людей. Но было еще не мало такихъ, которые отдавали предпочтеніе латинскому языку надъ всѣми прочими, къ нимъ принадлежалъ и мой отецъ, хотя онъ, какъ мадьяръ по происхожденію, не переставалъ любить и мадьярскую литературу. То было причиною, что онъ заставлялъ меня почти издѣтства учить латинскій словарь, и пословицы, въ разговорахъ со мной объ одномъ или другомъ изреченіи чаще обыкъ спрашивать: „Какъ сказалъ бы ты это по латински?“ Позже всего лучше любилъ онъ со мною разговаривать и переписываться только по латински, и тѣшилъ, когда я въ высшихъ классахъ сталъ выражаться съ нѣкорою плавностью и изяществомъ.

Не менѣе старался онъ, чтобы изъ меня въ послѣдствіи стался добрый священникъ. Чтобы породнить меня съ церковною жизнью и обрядами, былъ ли то праздникъ, воскресенье или будень, всегда бралъ меня съ собою въ церковь, иной разъ и на похороны, или когда отправлялися иныя различныя священнодѣйствія. По утрамъ возбуждалъ меня ото сна съ восходомъ солнца, и приказывалъ немедленно одѣться, омыться, и окончить утреннюю молитву, равно и вечеромъ предъ отходомъ на сонъ не позволялъ заснуть безъ молитвы. Выходя на поле, бралъ меня за руку, и идя по пути приучивалъ меня къ гласамъ, или къ одной изъ обрядовыхъ пѣсней.

Вслѣдствіе почти ежедневнаго посѣщенія церкви, я настолько сжилъ съ нею, что посѣщеніе ея и приниманіе участія въ Богослуженіяхъ становилось у меня такою же потребностью, какъ ежедневная пища. Впрочемъ, если бы мой добрый отецъ и не прилагалъ столько старательства въ моемъ воспитаніи, его живой примѣръ, съ какою ревностью исполнялъ онъ свои должности, съ какимъ боговѣніемъ жилъ онъ своему званію, доволенъ бы для того, чтобы на всю мою

жизнь оставить глубокое впечатлѣніе. Никогда не слышалъ я изъ его устъ скользкое слово, никогда не видѣлъ въ его поведеніи такое нѣчто, что могло бы вліять на мою нравственность или на нравственность другихъ разорительно. Въ общегитіи даже его веселое расположеніе отличалось отъ веселія другихъ людей, а видѣть его въ церкви было довольно для зрителя, чтобы углубился въ себя и сосредоточился къ боговънію

(Продолженіе слѣдуетъ)

ДОМАМОРЫЧЪ.

*Домаморычъ — деревня галичанъ...
Какъ хороша была весна въ апрѣлѣ.
Крылатыхъ думъ исполненъ мой колчанъ,
Въ моей душѣ и пѣсни, и свирѣли.*

*Была весна и трешій годъ войны,
Да, трешій годъ упорно жизни жгли мы,
А небеса такъ чисты, такъ ясны,
Какъ взоры дѣвушки прекрасной и любимой.*

*Звенѣлъ ручей и зовъ земли сырой,
И буйный лучъ сверкалъ сквозь опахала,
А подъ окномъ чирикалъ чей-то рой
И по кустамъ любовь благоухала.*

*И все зовешъ меня на брачный пиръ,
И все гремишъ, какъ пламенная ода —
О, не войну, а радости и миръ
Несешъ такъ ласково, такъ женственно природа!*

*И я гляжу на свой дамаскій клычъ,
А на душѣ и пѣсни, и свирѣли —
Какъ мнѣ забыть тебя, Домаморычъ,
Какъ хороша была весна въ апрѣлѣ!*

Юрій Галичъ.

Д-ръ Дмитрій Марковъ.

Предшественники русской революціи.

(Выдержки изъ исторіи русской революціи). (Продолженіе).

Террористъ Нечаевъ.

Революціонныя идеи Бакунина получаютъ существенную форму, ихъ реализуетъ, проводитъ въ жизнь, его эпигонъ Нечаевъ. Онъ является первымъ инициаторомъ широкаго, беспощаднаго террора. До Нечаева, большинство революціонеровъ ставило ставку на мирную развязку политическихъ и социальныхъ вопросовъ. Такъ думали не лишь ученики Писарева, отрицавшіе духовную сторону жизни и боготворившіе матеріальныя науки, но такъ само смыслили и многіе поклонники Бакунина. *Въра въ прогрессъ и въ мирную эволюцію преобладали въ россійской революціонной средѣ.* Не мудрено, что возведенный на степень евангелія терроръ Нечаева оттолкнулъ многихъ, выдающихся революціонеровъ. Герценъ съ первой встрѣчи съ Нечаевымъ за границей, отъ него отшатнулся. Даже Бакунинъ раскусилъ цинизмъ Нечаева, онъ принужденъ былъ оставить бунтаря его собственной судьбѣ. Онъ и характеризуетъ своего эпигона не очень лестно: „Нечаевъ самый активный революціонеръ, какого я когда либо встрѣчалъ. Когда нужно служить революціонному дѣлу, онъ броситъ все и не остановится, онъ беспощаденъ ввиду себя и другихъ. Это и есть то, что привлекаетъ. Онъ не прохвостъ, нѣтъ! Это фанатикъ своихъ идей, но въ то-же время онъ очень опасный субъектъ. Средства и тактика Нечаева аморальны, отвратительны. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что новый порядокъ въ мірѣ и новое общество могутъ быть созданы лишь *полишическими средствами Маккіавели и системою іезуитовъ ш. е. насиліемъ и ложью.* Однако, несмотря на тѣ аморальныя качества Нечаевъ представляетъ собой крупный факторъ, энергія, трудоспособность у него необыкновенны. Я разошелся съ нимъ съ сожаленіемъ, потому что намъ революціонерамъ нужны люди смѣлые, „люди дѣла“. Какъ глава новоучрежденной организаціи „Народная Расправа“, извѣстной тоже подъ кличкой „общества топора“, устанавливаетъ Нечаевъ въ летучкахъ и въ своемъ Женевскомъ журналѣ слѣдующую программу: „Нашъ планъ негативнаго характера — беспощадное разореніе и уничтоженіе“ (destruction). Мы отказываемся сейчасъ отъ выработки условій будущаго человѣческаго общества. Это не въ нашемъ планѣ. Всѣ теоріи и теоретическіе выводы къ черту. Дѣло разрушенія столь велико и тяжело, что оно поглощаетъ всѣ наши силы. Думать о томъ, что у насъ

хватить знаній и силъ для созидательной работы — это чистѣйшая иллюзія. Поэтому мы думаемъ посвятить себя лишь разрушенію и деструктивной работѣ. Пускай будущія поколѣнія созидаютъ и творятъ“. Нечаевъ останавливается затѣмъ надъ вопросомъ о возстаніи и бунтѣ. Препятствіемъ въ этомъ рискованномъ предпріятіи могутъ явиться: 1. Лица, занимающія высокія государственныя должности, въ первомъ ряду военныя. 2. Богатые фабриканты, банкиры и купцы, служащіе государству и буржуазному классу. 3. Писатели и публицисты, оплачиваемые правительствомъ и богатымъ классомъ. „Первыхъ надо безцеремонно уничтожить. Прочіе (2 и 3) могутъ принести пользу революціи. Въ случаѣ отказа, съ ними нечего церемониться, во всякомъ случаѣ ихъ можно заставить молчать, не вредить“. Считаясь съ принципиальной необходимостью устранить царя и династію, Нечаевъ настаиваетъ на томъ, чтобы сохранить царя до окончательной побѣды крестьянской революціи. „Порвавши цѣпи рабства — говоритъ Нечаевъ — свободный народъ расправится самъ съ царемъ“. Въ день народной мести онъ расколеть царскую корону, онъ расчерепитъ и коронованную голову самодержца... Уже наканунѣ т. е. до возстанія необходимо истребить правительственныхъ тирановъ, казнокрадovъ, и вообще всѣхъ царскихъ прихлебателей...“ Къ этому суровому приговору прибавляетъ Нечаевъ листу разныхъ министровъ, генераловъ, губернаторовъ, которыхъ необходимо — по его мнѣнію — устранить за всякую цѣну. На этомъ списокѣ есть генералы Треповъ и Мезенцевъ, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи жертвой покушеній (Вѣра Зазуличъ, Степнякъ-Кравчинскій).

Вмѣстѣ съ программой разработалъ Нечаевъ подробно планъ революціонной организаціи. Возвратившись съ концемъ 1869 года изъ Швейцаріи въ Москву, Нечаевъ сталъ формировать свою конспиративную лигу или т. зов. „Лигу Пятерыхъ“. Главныя постановленія организаціи: 1. Всякая организація почиваетъ на личномъ довѣріи. 2. Организаторъ т. е. членъ исполнительнаго комитета (центральный комитетъ) избираетъ между близкими знакомыми 5 человекъ. Переговоривъ со всякимъ наединѣ и заручившись согласіемъ и довѣріемъ, организаторъ созываетъ тѣхъ пять довѣренныхъ лицъ и создаетъ организованную группу (опять изъ 5 человекъ). 3. Устройство и механизмъ организаціи тайны, постороннему недоступны. О всякомъ дѣйствіи или предпріятіи знаютъ лишь члены пятерки и главный организаторъ, членъ центрального комитета. Главный организаторъ докладываетъ обо всемъ центральному комитету (главной пятеркѣ). 4. Работа распределена между членами группы (малой пятерки) по извѣстному плану. Важны

въ томъ отношеніи знанія и знакомства среды, общества и края, гдѣ должна происходить работа. 5. Всякій членъ группы организуетъ опять группу второго разряда, опять изъ пяти человѣкъ. Тѣ группы второго разряда зависима отъ первой группы (первой пятерки), какъ группы центральной. Вторая пятерка освѣдомляетъ первую пятерку и послѣдней во всемъ отвѣтственна. 6. Принципъ организаціи не катихизація а группировка уже готовыхъ силъ безъ дискуссій, безъ критики или запросовъ. 7. Всякіе вопросы поставленные организатору касательно другихъ группъ недопустимы, исключены. 8. Для лучшаго успѣха необходимо полнѣйшее довѣріе и откровенность членовъ группы — ввиду организатора. Это условіе — по существу...”

Касательно средствъ для революціонной работы, Нечаевъ много не надумывался, Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно. Деньги нужны и ихъ достать можно и слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи важны и необходимы: 1. Конtribusiи членовъ лиги и лицъ, сочувствующихъ революціонному движенію. Послѣднимъ необходимо предлагать періодическій списокъ взносовъ съ печатью комитета. 2. Конtribusiи (невольныя и подъ разнымъ предлогомъ) съ лицъ разныхъ классовъ, не сочувствующихъ революціонному движенію. 3. Устройство концертовъ, театровъ, баловъ — подъ разными, допускаемыми предлогами. 4. Разныя дѣйствія у частныхъ лицъ. Въ экзекуціяхъ на ширшую скалю можетъ участвовать группа лишь съ разрѣшенія центр. комитета. 5. Треть средствъ передается въ центральный комитетъ. Разбирая этотъ финансовый планъ Нечаева французскій писатель Леруа-Болье утверждаетъ, что вначалѣ революціоннаго движенія т. е. до 1880 года средства русскихъ революціонеровъ были скудны. Во всякомъ случаѣ это не были миллионы, о которыхъ писалъ Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Это были тысячи, собираемые обязательно и ежегодно съ членовъ революціонной организаціи, это были анонимные взносы недовольныхъ, dobroxотныя пожертвованія крупныхъ богачей, помѣщиковъ и купцовъ. Между тѣми крупными пожертвованіями есть н. прим. сумма 200.000 рублей революціонера и бывшаго помѣщика Д. Лизогуба, повѣшеннаго на доносъ итальянца Драго въ 1879 году. Такую же сумму внесъ или завѣщалъ богатый петербуржецъ, революціонеръ д-ръ Веймаръ. Такъ оно было на первыхъ порахъ. Впослѣдствіи ухватились революціонеры — по рецепту Нечаева — болѣе рѣзкихъ мѣръ. Еще при жизни Нечаева, т. е. до 1880 года, перемѣнились непосредственныя и такъ сказать добровольныя контрибуціи въ принудительныя. Нерѣдко получилъ кулакъ-купецъ или богатый фабрикантъ анонимный наказъ внести въ казну комитета извѣстную сумму. Врядъ ли нашлось много такихъ,

которые отказались бы дать ту или другую сумму. По рецепту Нечаева, который и говоритъ выше о „разныхъ дѣйствіяхъ“, т. е. финансовыхъ операціяхъ „на широкую скалю“ (т. 4), допускались революціонеры 70-годовъ принудительныхъ реквизицій въ государственныхъ кассахъ. Въ 1879 году была такимъ образомъ оголена казна въ Харьковѣ на 1½ милліона рублей. Тѣ реквизиціи и экспропріаціи, часто съ революверомъ въ рукахъ, вошли однако, въ норму послѣ 80-годовъ. Даже панъ Пилсудскій и министръ временнаго правительства Савинковъ — и они, будучи революціонерами, участвовали въ одно время въ экспропріаціи поѣзда, въ которомъ были захвачены порядочныя суммы денегъ. Финансовый планъ бунтаря Нечаева пережилъ, какъ видимъ, его вѣкъ и до новѣйшихъ временъ часто былъ осуществляемъ.

Обезпечивъ такимъ образомъ матеріальное состояніе партіи, Нечаевъ переходитъ къ другой темѣ. Онъ говоритъ объ отношеніяхъ революціонера въ виду себя, въ виду товарищей, общества и народа. Будущаго русскаго революціонера изображаетъ Нечаевъ цинически, но въ общемъ ясно и откровенно: „Революціонеръ человѣкъ потерянный. У него нѣтъ ничего, что онъ могъ бы назвать своимъ. Ни интересовъ, ни чувствъ, ни привязанности, ни собственности, ни имени. Все у него поглощено единственнымъ интересомъ, одной мыслью — *революціей*. Въ своей душѣ, не лишь на словахъ, но фактически, революціонеръ порвалъ всякую связь съ общественнымъ порядкомъ, съ цивилизованнымъ міромъ, съ закономъ, моралью и приличіемъ. Онъ непримиримый врагъ установившагося мірового порядка и если онъ въ немъ живетъ, такъ развѣ для того, чтобы его разрушать. Онъ пренебрегаетъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ ненавидитъ общественную мораль. Для революціонера морально то, что пособствуетъ революціи, неморально все то, что ее задерживаетъ. Революціонеръ не можетъ питать дружбы и симпатіи — развѣ къ подобному ему революціонеру, чистому и убѣжденному. Мѣра дружбы и преданности опредѣляется степенью пользы, приносимой революціонному дѣлу. Всякій революціонеръ долженъ имѣть на готовѣ (подъ рукой) нѣсколько товарищей второго или третьяго разряда, которые не были бы посвящены въ тайны революціонныхъ дѣйствій. Тѣ товарищи второго или третьяго разряда должны составить часть капитала на услуги революціи. Съ тѣмъ капиталомъ надо поступать экономно и стараться его использовать, какъ можно лучше. Главный организаторъ это капиталъ, который необходимъ для *окончательной побѣды* революціоннаго дѣла. Главный капиталъ (главный организаторъ) не можетъ, однако, располагать собой и рисковать, безъ согласія посвященныхъ въ тайны революціонныхъ дѣйствій“. Эта

циническая классировка революціонеровъ, не нашла, однако, одобренія у большинства революціонеровъ, противившихся Нечаевскому принципу — считать неглаварей-революціонеровъ пушечнымъ мясомъ, людьми безъ воли, людьми а priori обреченными.

Касательно общества (societe) Нечаевъ проповѣдывалъ его безцеремонное разрушеніе. Для этой цѣли совѣтуетъ Нечаевъ входить революціонеру въ связи съ обществомъ, если нужно, притворяться, что состоишь его же членомъ т. е. единомышленникомъ даннаго общества. „Революціонеръ долженъ пробраться повсюду, во всякую среду, къ купцу, помѣщику, къ бюрократу, военному, писателю, въ III секцію (государственная полиція-охрана) и даже во дворецъ императора“. Кстати знакомство съ охраной повело въ послѣдствіи, съ 90-годовъ, къ служенію нѣкоторыхъ революціонеровъ на два фронта, т. е. революціи и державной полиціи. Убійство революціонеровъ Азефа, Гапона выказало всю моральную гниль въ средѣ преемниковъ Нечаева, превращавшихся часто изъ революціонеровъ въ продажныхъ провокаторовъ и наоборотъ — изъ царскихъ чиновниковъ въ продажныхъ революціонеровъ. Нечаевскій принципъ послужилъ кстаті основей въ устройствѣ разныхъ контръ-развѣдокъ, деморализовавшихъ огромный процентъ русской интеллигенціи...

Нечаевъ дѣлилъ общество (societe) на шесть категорій. Первая категорія, руководившая государственнымъ аппаратомъ, обречена на гибель. Вторую категорію (чиновники) оставлялъ Нечаевъ пока въ сторонѣ — дабы она своими жестокостями, корупціей вызывала недовольство народныхъ массъ, къ третьей категоріи принадлежали люди богатства, связей, таланта и т. п. Ихъ надо поберечь и по возможности сдѣлать полезными дѣлу революціи. Къ шестой категоріи принадлежали женщины. „Женщинъ поступившихъ въ революціонныя организаціи надо высоко цѣнить, ихъ содѣйствіе революціи необходимо“.

Отношенія революціонера ввиду народа опредѣляетъ Нечаевъ вотъ какъ: „Народная революція, это не революціонное движеніе западныхъ народовъ, не трогавшее право собственности, уважающее до извѣстной степени установившійся порядокъ, начала морали и цивилизації. Народная революція не та, которая замѣнитъ одну политическую форму другой, новой. Нѣтъ! Спасеніе русскаго народа лишь въ такой революціи, которая смететъ политическій и соціальный порядокъ съ корнемъ и положитъ конецъ господству классовъ въ Россіи“.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ планъ „Лиги 5“. Съ этой, заготовленной программой и прибылъ осенью 1869 года въ Москву Нечаевъ. Сославшись на знакомство съ Герценомъ, Бакунинымъ, какъ

членъ международнаго интернаціонала, Нечаевъ очень скоро завладѣлъ московскою молодежью. Молодежь, увлекавшаяся Нечаевымъ, уже до его бѣгства въ Швейцарію, слѣпо вѣрила ему и преклонялась передъ нимъ. Нечаевъ въ короткое время становится диктаторомъ революціоннаго движенія въ Россіи. Съ неподражаемой энергіей онъ организуетъ „Лигу 5-ти“. Онъ создаетъ скоро одну группу за другой. Въ составъ группъ входятъ студенты разныхъ высокихъ учебныхъ заведеній, офицеры, купцы, дворяне и женщины. Въ продолженіи мѣсяца у него уже 150 членовъ. Все это дѣлается въ строжайшей тайнѣ, самъ же онъ выступаетъ на внѣ подъ разными, прибранными фамиліями — Иванъ Петровъ, Дмитрій Федоровъ или офицеръ Пашичъ. Часто гримируется, мѣняетъ наружность, нерѣдко переодѣвается въ женскій костюмъ.

Нечаевъ не ограничивается однако на Москву. Онъ находитъ видныхъ приверженцевъ среди выдающихся революціонеровъ Петербурга. Съ помощью террористовъ Михайлова, Ткачева и другихъ, онъ учреждаетъ въ Петроградѣ 9, въ провинціи 37 группъ. Словомъ, во всей Россіи заложены ячейки революціоннаго движенія. Сдѣлавшись диктаторомъ движенія, Нечаевъ безпощадно уничтожаетъ все, что противится его задуманнымъ планамъ. Жестокой жертвой его диктатуры былъ студентъ земледѣльческой академіи Ивановъ. Подозрѣваемый въ доносахъ, Ивановъ былъ убитъ 21 ноября 1869 года. Тѣло Иванова, убитаго въ саду московской академіи, было брошено въ прудъ (ставъ). Черезъ нѣкоторое время трупъ былъ случайно найденъ*). Во время судебного слѣдствія продолжавшагося нѣсколько мѣсяцевъ, полиція попала на слѣдъ тайныхъ организацій общества „Народная Расправа“. Въ Петроградѣ и Москвѣ арестовано 87 революціонеровъ. Slѣдствіе продолжалось два года. Разбирательство нечаевцевъ происходило въ Петроградѣ, лѣтомъ 1871 года. Между подсудимыми были представители разныхъ профессій, люди разнаго происхожденія и разнаго вѣка. Помимо мужчинъ, двѣ женщины (рабочая Дементьева и Томилова, вдова генерала), помимо дворянъ, графовъ и князей (гр. Волконскій, князь Черкасскій), были тамъ студенты, рабочіе, прикащики и т. п. Самъ Нечаевъ не былъ на скамьѣ подсудимыхъ. Какъ начались аресты, онъ успѣлъ бѣжать въ Швейцарію. Но его пребываніе въ Швейцаріи — гдѣ отъ него въ то время окончательно отшатнулся его доброжелатель Бакунинъ — не было продолжительнымъ. Русское правительство затребовало выдачи Нечаева, подозрѣвая послѣдняго въ убійствѣ студента Иванова. Русскій эмигрантъ Стемповскій предалъ Нечаева, т. е.

*) Въ романѣ Достоевскаго „Бѣсы“ изображенъ террористъ Нечаевъ въ роли Верховенскаго.

указалъ на его мѣстопробываніе въ Швейцаріи. Нечаевъ былъ судимъ въ Москвѣ, въ началѣ 1873 года. Во все время процесса Нечаевъ велъ себя дерзко. Онъ отказался отъ защитника. На вопросъ слѣдователя трибунала, виновенъ ли Нечаевъ въ убійствѣ студента Иванова, послѣдній не поднимаясь со скамьи, отвѣчалъ: „Г. Предсѣдатель! Я презираю всѣ ваши формальности, для меня было бы стыдно считать васъ судьей моего поведенія. Я эмигрантъ и пересталъ быть рабомъ вашего деспота. Да живетъ Земскій Соборъ!“ Нечаева вывели изъ залы. Въ корридорѣ произошла схватка между нимъ и тюремными стражниками. Въ послѣдній день разбирательства, послѣ обвинительной рѣчи прокурора, предсѣдатель трибунала опять воззвалъ Нечаева изложить дѣло и окончательно оправдаться. Нечаевъ отвѣчалъ: „Для меня унижительно, г. предсѣдатель, оправдывать, низкую клевету. Вся Россія убѣждена, что я лишь политическій преступникъ. Правительство можетъ взять мою жизнь, но честь останется за мной“. Его приговорилъ трибуналъ къ 25 годамъ каторги. Послѣ чтенія приговора Нечаевъ заявилъ: „Долой деспотизмъ. Да живетъ конституція!“ Въмѣсто ссылки въ Сибирь его оставили въ Петропавловской крѣпости въ Петроградѣ. Несмотря на толщину стѣны — въ два метра, — Нечаеву удалось въ короткое время возстановить тайныя сношенія съ прочими революціонерами. Нечаевъ въ тюрьмѣ много читалъ, писалъ и упражнялся гимнастикой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрабатывалъ разные проекты террористическихъ актовъ. Нечаевъ первый выработалъ нѣсколько начерковъ 7.306 золотыхъ грамотъ. Начеркъ обыкновенно гласилъ: „Мы Божьей милостью Государь всея Россіи — на просьбу помѣщиковъ — рѣшили отдать крестьянъ Россіи въ собственность помѣщиковъ, продолжать военную повинность“ и т. п. Тѣ золотыя грамоты вызвали, какъ знаемъ, крестьянскій бунтъ въ Черниговской губерніи, къ чему и стремились авторы тѣхъ подложныхъ грамотъ.

Изъ Петропавловской крѣпости Нечаевъ обращался въ министерство юстиціи и къ императору Александру II, жалуясь на арестъ въ Швейцаріи, приговоръ и тюремное заключеніе. Два раза правительство обращалось опять къ Нечаеву за докладомъ о революціонномъ движеніи, за указаніемъ фамилій, источниковъ, плановъ дѣйствія. Взамѣнъ за это ему сулили свободу и матеріальное обезпеченіе въ будущемъ. Нечаевъ отказался. Въ четвертый годъ заключенія въ крѣпости къ нему явился генералъ жандармеріи и шефъ охраны Потаповъ опять съ такимъ же предложеніемъ. На сей разъ отвѣтъ Нечаева былъ болѣе рѣзкій. — Онъ нанесъ генералу Потапову такую пощечину, что послѣдній пошатнулся и свалился на земь. Нечаева заковали

въ кандалы, отобрали чернила. Нечаевъ, какъ передають, иногда писалъ своей кровью (?) краткія записки исполнительному комитету „Народной Воли“. Съ теченіемъ времени кандалы были сняты, ему опять позволили писать. У Нечаева явилась опять прежняя энергія. Онъ сталъ обращаться къ тюремнымъ надзирателямъ съ длинными монологами, которыхъ цѣль была убѣдить надзирателей въ томъ, что онъ (Нечаевъ) страдаетъ за нихъ, за крестьянъ, за народъ. Часто онъ ссыался въ этомъ отношеніи на умершаго впоследствии престолонаслѣдника Николая Александровича, который — подобно австрійскому кронпринцу Рудольфу — пользовался въ народныхъ массахъ слѣпымъ довѣріемъ и любовью. Можетъ быть, что Николай Александровичъ и его дядя — гуманный и либеральный Константинъ Николаевичъ настоялъ на томъ, чтобы облегчить политическимъ узникамъ тюремное заключеніе. Во всякомъ случаѣ тюремные надзиратели и солдаты были въ этомъ слѣпо убѣждены. Уваженіе къ Нечаеву поднялось особенно высоко послѣ его схватки съ генераломъ Потаповымъ. Впрочемъ, нѣкоторые надзиратели и солдаты не называли Нечаева иначе какъ „нашъ соколъ“. Покушеніе Соловьева на императора Александра II 1 апрѣля 1879 года еще болѣе возвысило престижъ Нечаева. Нечаевъ и безъ того уже раньше увѣрялъ надзирателей о близкомъ возстаніи, въ которомъ участвовать будетъ и наслѣдникъ престола Николай Александровичъ. Тѣми и тому подобными розсказнями Нечаевъ до того снискалъ довѣріе надзирателей и солдатъ, что ему можно было подумать о себѣ, о своемъ бѣгствѣ. Но это не было пока въ его планѣ. Ему пришла въ голову грандіозная мысль. Узнавъ изъ частныхъ разсказовъ надзирателей топографію Петропавловской крѣпости, составъ военной стражи и разсчитывая на преданность надзирателей и солдатъ революціонному движенію, онъ рѣшилъ выкинуть слѣдующую штуку: во время присутствія императора въ Петропавловской часовнѣ ударить въ набатъ, арестовать съ помощью солдатъ императора, завладѣть крѣпостью и провозгласить императоромъ наслѣдника престола Николая Александровича. Бывшіе въ Петропавловской крѣпости революціонеры Ширяевъ и Мирскій сообщили о планѣ въ исполнительный комитетъ „Народной Воли“. Предводитель террористовъ Желябовъ, послѣ тайнаго свиданія съ Нечаевымъ, предложилъ проектъ на обсужденіе комитета. Проектъ показался неосуществимымъ. Рѣшено было приступить къ устраненію Александра II путемъ покушенія на его жизнь. Нечаеву предложено было бѣжать изъ тюрьмы до покушенія. Несмотря на то, исполнительный комитетъ одновременно съ подготовкой покушенія на Александра II, не упускалъ изъ виду дѣло освобожденія Нечаева. Во время обыска у

извѣстной террористки Софіи Перовской найдены были, однако, адреса тюремныхъ надзирателей и солдатъ. Это повело къ аресту главнаго надзирателя Богородецкаго (его сына), заподозрѣнныхъ въ передачѣ писемъ и въ заговорѣ. На Нечаева опять были наложены кандалы. Много солдатъ и надзирателей было арестовано и приговорено къ каторгѣ. Нечаевъ постепенно угасалъ, у него появилась сильная чахотка. Дня 8 мая 1883 года, т. е. въ два года послѣ убійства Александра II, Нечаевъ скончался. По другимъ сообщеніямъ, Нечаевъ, въ отместку за разныя покушенія нигилистовъ, былъ повѣшенъ въ крѣпости.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖНИВА.

*Злашымъ урожаемъ всѣ нивы желшбюшъ
Качаясь, какъ вѣлны безбрежныхъ морей;
Лучи раскаленнаго солнца свѣшлбюшъ
На всемъ, разливаясь средь зрѣлыхъ полей.*

*И завтра, сверкая стальными косами,
Лишь только денница спрану озаришъ, —
За зрѣлою жнивой, густыми толпами
На нивы златыя народъ поспѣишъ.*

*Кипучая кровь и горишъ и пылаешъ...
Горячее сердце — ярчѣе огня.
Въ груди распаленной любовь дозрѣваешъ...
О, будь ея жнищей, голубка моя!*

Мукачево IV. 1924.

Андрей В. Карабелешъ.

Карпаторусская Выставка.

(За апрѣль 1924 г. въ Прагѣ).

Выставка эта есть событіе большого значенія. Она есть явленіе исключительно интересное и по условіямъ сопровождавшимъ ея образованіе и появленіе. — Надо знать, кто былъ тѣмъ рычагомъ, что поднялъ со дна полнаго забвенія сокровища духовнаго творчества цѣлаго народа, древняя культура котораго была не только заброшена, но и малоизвѣстна.

Есть люди, одаренные особымъ талантомъ: пытливостью ума, а этотъ драгоцѣнный талантъ въ свою очередь рождаетъ другой, не менѣе драгоцѣнный — духъ инициативы; т. е. способность *самостоя-*

шельного осуществленія дѣла, облюбованнаго умственнымъ вкусомъ инициатора; доведеніе его до полной законченности. — На счастье нашихъ братьевъ карпатороссовъ, посѣтилъ ихъ извѣстный ученый, Сяргѣй Константиновичъ Маковскій, художникъ по вкусамъ своимъ, ученый по образованію. Потомокъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ, живописцевъ, онъ чутьемъ своимъ угадалъ присутствіе духовныхъ силъ, присущихъ семьѣ славянъ, свившихъ себѣ столь поэтическое гнѣздо подъ славнымъ и красивымъ хребтомъ Карпатскихъ горъ. С. К. задался цѣлью добыть вещественныя доказательства талантовъ, что таятся въ глубинѣ заброшеннаго судьбою небольшого племени славныхъ предковъ.

Больше года отдалъ С. К. Маковскій на изслѣдованіе быта и всей его обстановки, и, переходя отъ деревни къ деревнѣ и въ Долинахъ и въ Верховинахъ посѣщалъ избы крестьянъ спрашивая и рассматривая, пока не обошелъ чуть не всю ли маленькую землю, пока не собралъ множество наличныхъ образцовъ творчества старыхъ и новыхъ поколѣній жителей южныхъ Карпатъ. Много образцовъ было воспроизведено и по его порученію. Предметы, вызывавшіе вниманіе коллектора собирались не въ безформенную кучу рѣдкостей, а тщательно квалифицировались, отбирались по времени и по мѣсту, гдѣ были взяты. Такимъ образомъ и вся выставка получила характеръ цѣлой библіотеки, и каждая изъ 19 комнатъ, гдѣ экспонированные предметы были расположены — являлась какъ бы самостоятельной книгой, листы которой изображали творчество извѣстной эпохи, извѣстной мѣстности, извѣстнаго сторонняго вліянія: сосѣдство мадьяръ, румынъ, русскихъ изъ Галиціи... Составитель выставки сооружалъ ее строго систематически, и этимъ далъ возможность посѣтителю проникнуть въ самую суть исторіи творчества карпатскаго крестьянства. Всѣмъ этимъ мы обязаны, главнымъ образомъ, усиліямъ одного человѣка, его энергіи, его неутомимымъ трудамъ.

Но вотъ и сама выставка, она очень богата; девятнадцать комнатъ наполнены предметами по всѣмъ стѣнамъ сверху донизу. Но такъ какъ творчество придушеннаго народа ограничивалось, въ его цѣломъ, традиціями немногихъ производствъ, то оно является немного однообразнымъ и богатство его заключается главнымъ образомъ въ качествѣ и количествѣ, а не въ разнообразіи отдѣловъ творчества. Поэтому и рассматривать выставку, по моему, удобнѣе не по комнатамъ, причемъ пришлось бы много повторяться, а *по отдѣламъ производствъ*, составляющихъ суть выставки.

Отдѣловъ этихъ не такъ много 1. Строительный, выраженный почти исключительно въ прекрасныхъ моделяхъ древнихъ деревянныхъ церквей, еще сохранившихся во многихъ мѣстахъ Карп. Руси. — 2. ткань своего производства, льняное и шерстяное; 3. громадный отдѣлъ вышивокъ, мережекъ, и другихъ сортовъ женскихъ работъ; 4. глиняное производство: посуда, вазы, украшенія; и 5. древотѣльный отдѣлъ, наипаче богатый экземплярами.

Распределенные по всѣмъ комнатамъ въ хронологическомъ и географическомъ порядкѣ — эти отдѣлы даютъ широкое представленіе

о силѣ воображенія и о природномъ вкусѣ народнаго творчества. о многообразіи его изобрѣтательности, при ограниченности матерьяла и при отсутствіи готовыхъ образцовъ и рисунковъ.

Для подробнаго изученія выставленныхъ предметовъ надо обратиться къ прекрасно составленному каталогу, текстъ котораго не только упоминаетъ каждую серію работъ, но излагаетъ исторію ея происхожденія и находженія. Въ Прагѣ имѣется каталогъ на чешскомъ языкѣ, въ Ужгородѣ, — куда будетъ перенесена выставка, долженствующая положить начало карпаторусскому Музею — каталогъ, по всей вѣроятности будетъ изданъ на русскомъ языкѣ, и внесетъ подробное ознакомленіе самого населенія съ тѣмъ богатствомъ духовныхъ и умственныхъ силъ, что изъ нѣдръ глубокой старины донесено имъ въ сохранности до нашихъ дней, несмотря на всѣ рогатки, что исторія ставила на пути его страдальческаго, но неизмѣнно вѣрующаго шествія.

Храмы древней архитектуры, выполненныя изъ тончайшихъ деревянныхъ частицъ — такъ трогательно вѣрно воспроизводятъ свои оригиналы, что забываешь ихъ миниатюрность, и мысленно переносишься внутрь, и присутствуешь при горячей молитвѣ молящихся крестьянъ одѣтыхъ въ тѣ именно одежды, что расположены тутъ же на полкахъ, вокругъ деревенской церкви, красиво, благоговѣнно установленной на столѣ посреди комнаты. Тонкость работы и соблюденіе всѣхъ линий и подробностей дѣйствительнаго зданія — свидѣтельствуютъ не только объ искусствѣ трудившагося, но также о томъ душевномъ расположеніи къ своей работѣ, что не покидало мастера за время его творчества. Всѣхъ похвалъ и всей благодарности достойны благочестивыя руки, создавшія столь прекрасные памятники своимъ праотцамъ. Тутъ-же лежатъ и древніе деревянные кресты, почернѣвшіе отъ времени, украшенные изящной рѣзбою, высокимъ барельефомъ. Ихъ немного, какъ немного и служебныхъ, древне славянской печати книгъ и рукописей. — Хорошіе фотографическіе снимки дадутъ возможность всѣмъ желающимъ имѣть у себя столь дорогіе сердцу нашему священныя изображенія.

Домотканное бѣлье и одежды, расшитыя столь разнообразно, что не сосчитать и не запомнить всѣхъ узоровъ сочетаній цвѣтовъ — дѣлаютъ честь искусству нашихъ женщинъ, ихъ терпѣнью, ихъ хорошему вкусу. Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ изобрѣтенные ими узоры входятъ основными рисунками своими во всѣ узоры тѣхъ модныхъ издѣлій, что продаются въ шикарныхъ магазинахъ. Всегда и вездѣ, еще неграмотнымъ, народъ полагалъ начало того искусства, что съ развитіемъ всѣхъ условій общежитія развивались дальше. Очень часто первобытные узоры съ ихъ изящными линиями и сочетаніями — превосходятъ красотой замысловатыя фигуры рисовальщиковъ бющихъ на эффектъ. И нѣтъ сомнѣнія, что каждый художникъ будетъ пораженъ тѣмъ необычайнымъ умѣньемъ варіировать сочетаніе линий, прямыхъ и изогнутыхъ, какимъ изобилуетъ собраніе старыхъ и новыхъ вышивокъ на Карпатской Выставкѣ. Богатѣйшая коллекція.

Глиняныя издѣлія много грубѣ первыхъ двухъ отдѣловъ. Ни форма, ни отдѣлка не отличаются искусствомъ. Но на нѣкоторыхъ сосудахъ окраска сдѣлана съ такимъ же вкусомъ, какъ и въ вышивкахъ. Видна женская рука. Обращаетъ на себя вниманіе скудость работъ по дереву. Такой лѣсной край, такіе прекрасные сорта деревьевъ. Ни столярнаго, ни токарнаго производства. Нѣсколько кубышекъ и туэдовъ, три-четыре подсвѣчника. Видно отсутствіе нужныхъ инструментовъ; работа грубая. И къ довершенію ея первобытности — деревянная соха, безъ единого признака желѣза. Можетъ быть читатель уже замѣтилъ, что Карпаторусская Выставка отличается полнымъ отсутствіемъ металлическихъ производствъ. Ни желѣза, ни стали, ни мѣди — признака нѣтъ. И ужъ конечно никакого рода оружія, никакихъ орудій не выставлено. Ихъ вѣроятно и нѣтъ, кромѣ самого простого ножа, которымъ и хлѣбъ рѣжутъ и дерево стругаютъ. Выставка носитъ миролюбивый, патріархальный характеръ и посѣтитель чувствуетъ себя въ обширной уютной мастерской народа, живущаго неустанной работой, жизнью тихой и скромной, не разставаясь съ мыслью о Богѣ; не зарывая въ глубь таланты ему дарованные. Хорошее впечатлѣніе оставляетъ выставка. Зараждаетъ крѣпкую надежду.

Всѣ выставленные предметы много выигрываютъ отъ окружающей ихъ обстановки. Стѣны каждой комнаты увѣшаны большими фотографическими снимками людей, ихъ жилищъ, видимъ обстановку ихъ повседневной жизни, ихъ хозяйства; это даетъ полное понятіе о бытѣ карпаторусскихъ крестьянъ. Вы видите ихъ у себя дома, и на работѣ, въ праздникъ и въ будни. Эти снимки знакомятъ васъ съ особенностями каждой мѣстности, по нимъ можно познакомиться съ бытомъ всего милаго карпатскаго населенія. Еще болѣе яркой иллюстраціей его являются прекрасно сдѣланные манекены изъ дерева, одѣтые въ костюмы соответствующихъ деревень... Старики, старухи, дѣти, хлопцы, дѣвушки, цѣлыя свадебныя группы — даютъ живое представленіе о типахъ, вплоть до самыхъ мелочей. Видно самое тщательное, самое бережное отношеніе къ воспроизведенію дѣйствительности со всѣми ея особенностями. — Переходя изъ комнаты въ комнату — вы точно путешествуете по селамъ и деревнямъ, долинъ и верховинъ, и васъ тянетъ бесѣдовать съ людьми, такими простыми своими нравами, такими сильными вѣрой въ правду Божию на землѣ.

Сергѣй Константиновичъ Маковскій, его сотрудница Марія Шумова, и всѣ помогавшіе имъ въ устройствѣ только что закрывшейся Карпаторусской выставки въ Прагѣ — оказали огромную услугу воскресающему къ новой жизни народу, впервые представивъ его міру въ его настоящемъ видѣ — бѣднымъ, но сохранившемъ въ себѣ всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія своихъ физическихъ и духовныхъ силъ.

Катерина Брешковская.

2 мая, 1924 г. Прага.

Григорій Михайловичъ Медвѣцкій.

Единство русскаго языка въ его нарѣчяхъ.

(Составлено на основаніи работы, главнымъ образомъ профессора Б. М. Ляпунова — подъ аналогичнымъ же названіемъ. Опасаясь же искаженія смысла и дорожа ученымъ выводами, авторъ счелъ для себя необходимымъ, для болѣе точнаго и рельефнаго изображенія, многія мысли формулировать просто словами профессора Б. М. Ляпунова.) (Окончаніе.)

„Русская цивилизація прежде всего значитъ *русская государственность*, прочно обоснованная, безразлично, будетъ ли она федеративной или централистической. У проф. Грушевскаго въ его популярномъ очеркѣ „Исторіи Украины“ вырвалась фраза: — во времена Свято-слава „Украинцы назвались Русью“. Конечно Русью, а чѣмъ же еще другимъ они могли назваться? Ярко сказывается въ этой фразѣ вся запутанность, неискренность, сфабрикованность въ Мюнхенѣ и Вѣнѣ утопическихъ принциповъ, по которымъ существованіе на южной окраинѣ Россіи немного отдѣльнаго языка можетъ мѣшать единству русской государственности. Единство государственности же опредѣляется и другими составными частями русской цивилизаціи: русскими общественными идеями, русскимъ художествомъ, русской наукой, русской промышленностью“. Le Messenger du Comité National Russe, Вѣстникъ Русскаго Національнаго Комитета н-ръ 5. Парижъ.

Стараясь создать „украинскій народный языкъ“, львовскіе ученые украинской партіи умышленно избѣгаютъ совпаденій съ русской научной терминологіей и, порвавъ всякія традиціи и связи съ ученой, общей всей древнерусской письменности, терминологіей церковно-славянской, предпочитаютъ заимствовать польскую терминологию, перемѣнивъ лишь польскіе звуки на украинскіе, нѣмецкую; (на пр. въ недавно вышедшей книгѣ Д-ра В. Симовича „Украинская грамматика — смотр. рецензію въ „Славіи“ II. 1. проф. Поливки. 1923) таковы: „рижничка“ (дифференціалъ) съ польскаго „różnieza“ или „назвукъ“ (начальный звукъ слова), съ нѣмецкаго „Anlaut“, „визвукъ“ съ нѣмецкой „Auslaut“ и т. п., пень буквально переведенъ съ нѣмецкаго „Stamm“ между тѣмъ, какъ въ русскомъ языкѣ существуетъ старое слово „основа“ (это же употребляютъ чехи). (Объ этомъ искусственномъ языкѣ галицкихъ ученыхъ, мало понятномъ не только нашимъ малороссамъ вообще, но и тѣмъ, которые считаютъ желательнымъ созданіе малорусскаго литературнаго языка. Объ этомъ специально поговоримъ).

Мы видимъ такимъ образомъ, среди извѣстной партіи галицко-русской интеллигенціи стремленіе не только создать особый ученый и литературный языкъ, приспособленный для передачи научнаго мышленія, но и доказать его полную отдѣльность отъ созданнаго уже общерусскаго языка. Среди ученыхъ этого толка, однимъ изъ яркихъ представителей котораго является составитель новѣйшихъ грамматикъ Смаль-Стоцкій, возникаетъ даже нелѣпое съ научной точки зрѣнія стремленіе доказать *исконную самостоятельность* малорусскаго языка рядомъ съ великорусскимъ и другими славянскими. (О книгѣ Смаль-Стоцкаго писали проф. Ягичъ въ „Arch. für slavische Philologie“, Шахматовъ акад. и акад. Карскій — доводы Смаль-Стоцкаго разобраны и доказана ихъ полнѣйшая несостоятельность).

Между тѣмъ правильная точка зрѣнія, доказанная нами выше, можетъ быть одна: малорусскій и великорусскій языки — два родные брата, дѣши языка древнерусскаго до половины XII вѣка, и каждый изъ нихъ можетъ быть сравниваемъ съ другими славянскими не самостоятелно, а лишь при посредствѣ возведенія къ языку прарусскому, который въ главныхъ чертахъ сохранился еще въ древнерусскомъ языкѣ до XII. вѣка.

Доказавъ единство русскаго языка въ его нарѣчяхъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и о томъ русскомъ языкѣ, который изучаешь въ русскихъ школахъ и который мы называемъ общерусскимъ. Именно это нерѣдко представители украинской самостоятельности умышленно или неумышленно смѣшиваютъ съ языкомъ великорусскимъ, что глубоко невярно. Если внимательно изучишь русскіе говоры, то мы найдемъ иногда въ народномъ великорусскомъ языкѣ больше совпаденія съ народнымъ же малорусскимъ, чѣмъ съ русскимъ литературнымъ или общерусскимъ (такъ напр. велик. — откелива, малорусское — вишкеля, общерусское — откуда). Лишь господствующее произношеніе этого послѣдняго языка, обусловленнаго послѣдней стадіей его развитія на почвѣ средневеликорусской народной рѣчи тождественны съ особенностями общерусскаго языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, стоитъ сравнить съ общерусской рѣчью тѣ образцы говоровъ московской губерніи, которые помѣщены въ хрестоматіи по великорусской діалектологіи Дурново и Ушакова (Москва, 1910 г. стр. 124, 125 и слѣд).

Съ точки зрѣнія общерусскаго языка новѣйшей формаціи всякій мѣстный говоръ является „неправильнымъ, нечистымъ“, хотя бы онъ носилъ замѣчательные слѣды древности и передавалъ точнѣе древнерусскія традиціи, чѣмъ нормированный общерусскій языкъ. Этотъ послѣдній обязанъ своимъ образованіемъ не одному какому-нибудь нарѣчію, а созданъ усиліемъ культурныхъ дѣятелей изъ области разныхъ нарѣчій въ разные эпохи русской исторіи. Онъ создавался путемъ невольныхъ соглашеній и уступокъ при живыхъ сношеніяхъ между собою верхнихъ слоевъ древне-русскаго общества, выросшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, среди различной діалектической обстановки, при чемъ сильное вліяніе на этотъ общій языкъ оказалъ языкъ древнерусской письменности — древне-церковно-славянскій языкъ, по своему происхожденію живой языкъ южномакедонскихъ славянъ IX вѣка, принадлежавшихъ къ той славянской вѣтви, которая нынѣ называется болгарской. Этотъ языкъ былъ литературнымъ органомъ на Руси (правда съ малыми фонетическими измѣненіями — носовыхъ гласныхъ). На немъ писали всѣ серьезныя духовныя и свѣтскія произведенія; поученія, житія святыхъ, лѣтописи, причемъ въ послѣднихъ лишь при описаніи событій народной жизни невольно проникала живая русская рѣчь въ значительной степени, но и она постоянно чередовала формы русскія съ южно-славянскими, что и свидѣтельствуетъ о томъ, что и разговорная рѣчь грамотнаго населенія усваивала церковно-славянизмы.

Параллельно съ исторіей русскаго церковнаго текста шла исторія живого русскаго языка. Появлялись произвенія на народномъ языкѣ въ XVI—XVII вѣкахъ — въ Литовской, Московской Руси. (Евангеліе Тяпинское, Пересопницкое, Домострой, Библія Скорины и др.). Но рус-

скій языкъ образованныхъ классовъ разныхъ городовъ рано могъ получать однообразный характеръ, соединяя съ общерусскими чертами и нѣкоторыя заимствованія изъ письменности престопадной. Такой общій разговорный языкъ уже въ древнее время XI—XII вѣковъ могъ существовать въ матери городовъ русскихъ, въ древнемъ Кіевѣ, гдѣ была постоянная смѣна княжескихъ дружинниковъ, благодаря удѣльному вѣчевому строю и наслѣдованію князей не по прямой линіи. Изъ древняго Кіева этотъ языкъ, въ которомъ сглаживались діалектическія различія и выступали лишь общія всѣмъ говорамъ русскія особенности, переносился въ область Суздальскую, Владимірѣ на Клязьмѣ и далѣе въ Москву. Конечно послѣ раздѣленія на Московскую и Литовскую Русь, а въ особенности съ паденіемъ удѣльнаго строя, содѣйствовавшего частымъ переселеніямъ, языкъ Московской Руси все болѣе отдалялся отъ языка Руси Литовской, которая послѣ соединенія съ Польшей начала воспринимать и полонизмы. Но вліяніе южнорусскихъ дѣятелей на Москву, на ея письменность, а черезъ посредство послѣдней и на живой языкъ вышшихъ классовъ Москвы не прекращалось въ XVI в., особенно же усилилось въ XVII вѣкѣ, когда цѣлый рядъ кіевскихъ ученыхъ приносилъ свои произведенія въ Москву. Эти ученые и литераторы южнорусскіе (Мелетій Смотрицкій, Яворскій Стефанъ, Дмитрій Ростовскій, Семенъ Полоцкій, прибывшій изъ Малороссіи въ Москву въ 1664 г. и др.) внесли свой южт русскій элементъ въ русскую литературную и общерусскую рѣчь на сѣверѣ. Съ другой стороны, литературный русскій языкъ, воспитавшійся на церковно-славянской основѣ, постепенно все больше воспринимаетъ народныхъ русскихъ элементовъ разныхъ мѣстностей, что особенно усилилось послѣ дѣятельности Ломоносова*), вносившаго много сѣверновеликорусскихъ народныхъ словъ и оборотовъ. Послѣ Ломоносова, освятившаго своимъ разсужденіемъ о стиляхъ доступъ народнаго языка въ литературу, *послѣдній* входитъ въ нее въ качествѣ уже господствующей стихіи въ произведеніяхъ И. А. Крылова, А. С. Пушкина, А. С. Грибоѣдова и еще болѣе писателей второй половины XIX вѣка. Важно указать, что кромѣ великорусской рѣчи въ литературу и общерусскій языкъ продолжаетъ *проникать и мало-*

*) „Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій, не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Карлъ V, Римскій императоръ, говаривалъ, что Испанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично, но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Испанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Вергиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, много различныхъ естественныя свойства, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, по недовольству своему въ немъ искусству приписывать долженствуетъ. Кто отъ часу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, то увидитъ безмѣрно широкое поле или — лучше сказать — едва предѣлы имѣющее море... (Изъ посвященія „Россійской грамматикѣ“ М. В. Ломоносовъ 1755 годъ).“

русская въ произведеніяхъ Гнѣдича, Гоголя, Кохановской, Данилевскаго, Короленка и мн. др. Народный воронежскій поэтъ Кольцовъ, кромѣ внесенія народной южно-великорусской стихіи, имѣетъ кое-что и малорусское. Такимъ образомъ русскій литературный языкъ никоимъ образомъ не можетъ считаться исключительно великорусскимъ, не можетъ считаться вполне великорусскимъ и общерусскій разговорный языкъ. Ясно, что русскій литературный языкъ есть общерусское достояніе.

Въ заключеніе пополнимъ слова извѣстнаго критика Н. А. Добролюбова — въ статьѣ „Кобзарь“ Шевченко (т. III, изд. IV. Спб. стр. 234) гдѣ онъ, какъ бы совершенно примитивный и глубокообъективный взглядъ на языкъ, — оправдываетъ себя въ полнѣйшей степени. — „Вѣдь у насъ языкъ, — пишетъ Добролюбовъ, — котораго заподозрить въ симпатіяхъ къ „московскому правительству“ весьма трудно, литературный — собственно не русскій, а черезъ 100 лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ также смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ ассамблей Петровскаго времени. Но у насъ безтолковая смѣсь языковъ ограничивалась довольно скоро, и составила то, что мы теперь называемъ языкомъ образованнаго общества. Это отъ того во первыхъ, что намъ уже рѣшительно нечѣмъ было ввязаться, новыя понятія и новыя предметы врываються толпой, называть ихъ не умѣемъ, да и около насъ негдѣ взять; а между тѣмъ названія нужны во что бы то ни стало. Поневоля брали готовые, или выдумывали, какъ попадается. Во вторыхъ, книжныя понятія и слова, хотя и не прошли въ народъ, а все таки захватили у насъ довольно значительную часть общества, и проникли въ законодательство. Въ Малороссіи эта масса общества, занятаго литературнымъ языкомъ несравненно меньше, да нѣтъ имъ и такой нужды перевертывать на свой ладъ каждое названіе вновь являющагося предмета; они получаютъ не изъ какого-нибудь латинскаго языка, — гдѣ ужъ какъ не бейся, а надобно „us“ отбросить и дать слову свое склоненіе, а изъ языка родственнаго, имѣющаго почти тѣ же формы. Такимъ образомъ слова, принятые въ русскомъ, цѣликомъ входятъ въ малорусскій языкъ и случается встрѣчать такія малорусскія статьи, въ которыхъ только „що, аж, бо, чи“ и т. п. частицы и напоминаютъ объ собственности нарѣчія (стр. 295).

Въ послѣднее время „украинскіе“ эмигранты открываютъ за границей университеты, политехникумы, всевозможныя ученыя общества, въ числѣ ихъ с.-х. академію, хотя и Кіевская украинская академія сильно ужъ смахиваетъ на „шморгонскую академію“... Не знаемъ, — доброму старичку Тургеневу, который любилъ „нашъ великій прекрасный русскій языкъ“ и любилъ посмѣяться надъ хохломанскими семинаристами (Клара Миличъ), доставило бы, безъ сомнѣнія, величайшее наслажденіе прочесть вслухъ все то, что пишутъ въ своихъ изданіяхъ „украинцы“. Мы увѣрены, однако, что Тургеневъ, посмѣявшись, плакалъ бы потомъ три дня навзрыдь — отъ всего того, къ чему привело насъ „самостійническое“ дѣло и что мы, несчастные, должны наблюдать въ настоящее русское лихолѣтье.

КНИЖНЫЙ и ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ГЕНРИХА ШЕНФЕЛЬДА

.....
въ МУКАЧЕВЪ, улица РАКОЦІЯ.

Продаетъ дешевле всѣхъ всѣ канцелярскія принадлежности, книги, тетради, перья, карандаши и т. д. — Приходите, посмотрите и убѣдитесь въ правдивости сказаннаго.
Съ почт.: **ГЕНРИХЪ ШЕНФЕЛЬДЪ.**

Русскій Консумъ въ Мукачевѣ

подъ веденіемъ госпожи Изабеллы Гуловичъ

симъ приглашаетъ
всѣхъ истиннорусскихъ
людей закупать все необходи-
мое для дома: сахаръ, чай, кофе, масло
сало, саламы, муку, крупу, рисъ,
горохъ, зересъ, перецъ
и т. д. только

въ единственной русской лавкѣ въ МУКАЧЕВЪ,
улица **ВЛАДЫКОВА**, противъ русской церкви,

МУКАЧЕВО

Наилучшія фотографическія снимки
дѣлаетъ художественная фотографія

ЛОКЕРТА

возлѣ гор. дома

Шефъ-редакторъ архид. Евменій Сабовъ.

Отвѣтственный редакторъ: А. В. Поповъ.

Издатель: Общ. им. А. В. Духновича въ Ужгородѣ.

Адресъ редакціи и администраціи: Мукачево, улица Духновича 94.

Подписная цѣна на годъ: 60 кч., въ Америкѣ 3 дол. 20 цент.

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ БАНКЪ

въ УЖГОРОДѢ, Казинцы улица 5.

Принимаетъ вклады на проценты: на сберегательныя книжечки, на текущій счетъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; — отъ американскихъ вкладовъ платитъ $5\frac{1}{2}$ и 6 проц. — мѣняетъ доллары и другія иностранныя деньги, выплачиваетъ амери-

канскіе чеки, пересылаетъ деньги за границу; специальность: переводы въ Россію, въ Галичину и Польшу, — учреждаетъ и финансируетъ кооперативныя дружества и другія предпріятія, производитъ всѣ другія банковыя операціи.

Каждый русскій человѣкъ долженъ быть акціонеромъ
РУССКАГО НАРОДНАГО БАНКА.

Одна акція номинально стоитъ Кч. 500.—
а вмѣстѣ съ законными добавками Кч. 535.—

ОТДѢЛЕНІЯ: въ МУКАЧЕВѢ, Церковная ул. 5.
въ ПРЯШЕВѢ, Масарикова ул. 26.

КООПЕРАТИВНЫЙ БАНКЪ

**ДРУЖЕСТВО
„САМОПОМОЩЬ“**

УЖГОРОДѢ, Казинцы ул. 5.

Принимаетъ сберегательныя вклады, даемъ ссуды (позычки), улаживаемъ размѣнъ долларовъ.
ВАЖНО ДЛЯ АМЕРИКИ!

Купуемъ для американцевъ землю, дома, винницы и газдовства, улаживаемъ для американцевъ ихъ процессы въ старомъ краю, даемъ всѣ информаци и улаживаемъ для Америки всѣ дѣла въ старомъ краю (наслѣдства и пр.)

Адресъ: Družstvo „Samopomošč“, Užhorod
Carpathorussia, Czechoslovakia.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

**НА ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ КАРП. РУСИ
ЛИТЕРАТ. ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ**

КАРПАТСКІЙ КРАЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМЪСЯЧНО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 60—КЧ.
ДЛЯ АМЕРИКИ 3 ДОЛЛАРА 20 ЦЕНТОВЪ.
ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 5—КЧ.
ИЗДАТЕЛЬ: „О-во им. ДУХНОВИЧА“ ВЪ УЖГОРОДѢ.

ШЕФЪ-РЕДАКТОРЪ архид. Е. САБОВЪ.

ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ А. В. ПОПОВЪ.
МУКАЧЕВО, ДУХНОВИЧЕВА 94. КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

Книги свѣтскія и церковныя, га-
зеты, всякаго рода формуляры,
нотарскіе бланки, плакаты, при-
глашенія, визитки и проч., и проч.

ПЕЧАТАЕТЪ НА ВСѢХЪ ЯЗЫКАХЪ СКОРО, ИЗЯЩНО, ДЕШЕВО

ТИПОГРАФІЯ ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ

ВЪ УЖГОРОДѢ, РАДВАНСКАЯ УЛИЦА № 47.

Дѣлаетъ переводы на всѣ упо-
требляемые въ Карп. Руси языки.

На складѣ: нотарскіе бланки, кни-
ги собствен. и чужихъ изданій.